

UDC 327 (510+470) «18/19»

MYKOLAO. KLOCHKO¹, ANATOLIY V. GONCHARENKO²¹Sumy Regional State Administration, PhD (Philosophy) (Ukraine)²Sumy National Agricultural University, PhD (History), Associate Professor (Ukraine)**THE CHINA IN THE INTERNATIONAL RELATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 90's XIX – EARLY XX CENTURY: COLONIAL PROJECT "ZHELTOROSSIA"**

Abstract. *In the early 90's of XIX century Russia activates its colonial policy in the Far East, shifting its mainstream from border issues and developing trade relations towards economic and political expansion in China, as well as obtaining extraterritorial rights and various concessions.*

In the 90's XIX – early XX architects of Russia's international policy perceived Manchuria as the "Zhelatorossia", which was to be seized (annexed). The idea of "Zhelatorossia" stirred up the minds of leading Russian state and military figures in the 1990s XIX century, who hoped that "Zhelatorossia" would become an adequate response to the "yellow expansion".

The Moscow Treaty of 1896 between the Russian and the Qing Empires, authorizing the construction of the Chinese Eastern Railway through Manchuria, the seizure of Port Arthur and Dalniy by Russia, without paying rent of the Liaodong Peninsula and these ports in accordance with the Russian-Chinese convention of 1898 – these foreign policy actions were to promote the implementation of the project "Zhelatorossia".

Taking advantage of the uprising of the "boxers" in the Qing state in 1900, Russia occupied the territory of Manchuria and refused to withdraw its forces from this region. In consequence of this, St. Petersburg in the early XX century was in the Far East one on one in the confrontation with Japan and other former allies.

However, the colonial project "Zhelatorossia", whose goal was to strengthen the position of the Russian Empire in China, the capture of Manchuria, and in the perspective of Mongolia and Korea, has not been fully implemented. As a result of the defeat in the Russian-Japanese War of 1904-1905 according to the conditions of the Portsmouth Peace Treaty of 1905, Russia ceded Japan the right to the Liaodong Peninsula with Port Arthur and Dalniy, and also gave the southern branch of the CER

The internal political crisis and the foreign policy consequences of the war with Japan forced the Russian leadership to abandon ambitious plans in the Far East, as well as further implementation of the "Zhelatorossia" project and to direct the main vector of foreign policy to the West.

Analyzing the colonial policy of the Russian Empire in China in the 90's XIX – early XX in the context of the implementation of the project "Zhelatorossia" it should be noted that its methods and forms remain unchanged for centuries. Russia's traditional expansionist policy, which, regardless of the form in which this state exists (the Russian Empire – USSR – Russian Federation), in relation to neighboring countries, although it has certain features, allows us to outline its common features.

The Qing Empires at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries was a sort of "laboratory", where, taking into account local specifics and realities, the model of the expansionist foreign policy course of Russian state was being worked out, which at the end of the XIX – the beginning of the XX was transformed into the "Russian World" ("Pax Russica"), as well as new forms and methods of neocolonial hegemony.

Keywords: *the Russian Empire, China, international relations, colonial expansion, Manchuria, "Zhelatorossia".*

КЛОЧКО М.О.¹, ГОНЧАРЕНКО А.В.²¹Сумська обласна державна адміністрація, кандидат філософських наук (Україна)²Сумський національний аграрний університет, кандидат історичних наук, доцент (Україна)**КИТАЙ У МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИНАХ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ
У 90-х РОКАХ ХІХ – НА ПОЧАТКУ ХХ ст.: КОЛОНІАЛЬНИЙ ПРОЕКТ
“ЖОВТОРОСІЯ”**

Анотація. У статті досліджено місце та роль Китаю в міжнародних відносинах Російської імперії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. Охарактеризовані причини активізації колоніальної політики Росії у Цинській імперії на початку 90-х років ХІХ ст. Висвітлено історико-філософські аспекти формування концепції “Жовторосії”. З’ясована роль різних угруповань усередині російських правлячих кіл у питанні окупації Маньчжурії та реалізації на її теренах колоніального проекту “Жовторосія” наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. Проаналізовано міжнародні наслідки посилення колоніальної експансії Росії у Піднебесній та окупації Маньчжурії. Досліджено причини провалу російського колоніального проекту “Жовторосія” на початку ХХ ст.

Ключові слова: Російська імперія, Китай, міжнародні відносини, колоніальна експансія, Маньчжурія, “Жовторосія”.

КЛОЧКО Н.А.¹, ГОНЧАРЕНКО А.В.²¹Сумская областная государственная администрация, кандидат философских наук (Украина)²Сумский национальный аграрный университет, кандидат исторических наук, доцент (Украина)**КИТАЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В
90-х ГОДАХ ХІХ – НАЧАЛЕ ХХ вв.: КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
“ЖЕЛТОРОССИЯ”**

Аннотация. В статье исследованы место и роль Китая в международных отношениях Российской империи в конце ХІХ – начале ХХ вв. Охарактеризованы причины активизации колониальной политики России в Цинской империи в начале 90-х годов ХІХ в. Освещены историко-философские аспекты формирования концепции “Желтороссии”. Выяснена роль различных группировок внутри российских правящих кругов в вопросе оккупации Маньчжурии и реализации на ее пространстве колониального проекта “Желтороссия” в конце ХІХ – начале ХХ вв. Проанализированы международные последствия усиления колониальной экспансии России в Поднебесной и оккупации Маньчжурии. Исследованы причины провала российского колониального проекта “Желтороссия” в начале ХХ в.

Ключевые слова: Российская империя, Китай, международные отношения, колониальная экспансия, Маньчжурия, “Желтороссия”.

В начале ХХІ в. мировое сообщество поставлено перед фактом существования многополярного мира, в котором одним из государств, пытающихся диктовать условия экономического и политического взаимодействия, является Российская Федерация. Данное положение находит идеологическое и теоретическое обоснование как в самой России, так и за ее пределами, в ее стремлении быть мировой державой, которая реализует свои геополитические интересы в любой точке земного шара. Путем политического маневрирования, соглашений с политической элитой, военных угроз, шантажа, а нередко и прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств, России удалось сохранить и в некоторых аспектах расширить сложившиеся ранее отношения экономической и политической зависимости со странами, входящими в сферу ее геополитических интересов.

Политико-экономическое и военное вмешательство Российской империи в международные отношения во второй половине XIX – в начале XX вв. преследовало далеко идущие геостратегические цели. Приобретение и использование колоний как мощного плацдарма для усиления российской экспансии содействовало активному вмешательству Санкт-Петербурга в международные отношения на Дальнем Востоке. Методы выполнения этих задач, разработанные и реализованные правящими кругами России в конце XIX – начале XX вв. стали классической моделью для действий российского неокOLONIALИЗМА в различных регионах современного мира.

Источниковую базу исследования сформировали официальные публикации документов, посвященные внешней политике Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (Сборник договоров, 1906; Сборник договоров, 1927; Сборник договоров, 1952).

Важное значение при изучении исследуемой проблемы имеют мемуары непосредственных участников тех событий – российских министров С. Витте (финансов) и А. Куропаткина (военный) (Витте, 1994; Куропаткин, 1923).

Историография политики Российской империи в 90-х годах XIX – начале XX вв. в Китае многочисленна, поэтому мы ограничимся анализом наиболее значимых работ. В российской дореволюционной историографии проблемы необходимо выделить работу И. Левитова, который освещает необходимость противостояния России “желтой угрозе” и усиления российской колониальной экспансии в Китае (Левитов, 1905). Б. Романов в фундаментальной монографии, которая стала самым заметным явлением в советской историографии вопроса в 20-х – начале 40-х годов XX в., подчеркивает агрессивный характер политики царизма в Цинском государстве в конце XIX – начале XX вв. (Романов, 1928). В начале 70-х годов XX в. был опубликован коллективный труд советских историков, в котором поддерживается доминирующая точка зрения, сформировавшаяся в 50-60-х годах XX в., о том, что часть правящих кругов России вынашивала захватнические планы в отношении Китая, однако большинство российской правящей элиты поддерживало “мирное”, прежде всего экономическое, проникновение в Цинскую империю, и о вынужденной защите своих геополитических интересов на Дальнем Востоке вследствие агрессивных действий ведущих держав в Поднебесной (Международные отношения, 1973). Современные российские историки продолжают рассматривать различные аспекты международной политики Российской империи в Китае в конце XIX – начале XX вв. как реакцию на усиление экспансии ведущих западных государств в связи с необходимостью защиты рубежей России, а также сферы ее внешнеполитических интересов (Победоносцев, 2010; Рыбаченок, 2012; Милежик, 2013; Самойлов, 2013; Дятлов, 2016). В зарубежной историографии вопроса прежде всего необходимо отметить статьи иранского историка Масумеха Али Эхтиари Чароймаги (Эхтиари Чароймаги, 2013; Эхтиари Чароймаги, 2014).

В украинской историографии вопроса среди немногочисленных работ, в которых рассматривается история международных отношений на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., необходимо отметить исследования Е. Кириченко и Р. Додонова (Кириченко, 2013; Додонов, 2016). Однако колониальная политика Российской империи в Китае в течении исследуемого периода не была предметом внимания отечественных специалистов.

Анализ историографии позволяет убедиться в необходимости дальнейшей разработки проблемы. Несмотря на существование значительного количества работ, большинство из них поверхностно или тенденциозно освещают проблемы экспансии России в Китае в конце XIX – начале XX в. и реализации колониального проекта “Желтороссия”.

В связи с этим, цель данного исследования – проанализировать место и роль Китая в международных отношениях Российской империи, а также реализацию Санкт-Петербургом колониального проекта “Желтороссия” в 90-х годах XIX – начале XX вв.,

их роль в истории формирования существующего международного положения, а также эволюцию российского колониализма в условиях современного глобального развития.

Во второй половине XIX в. сформировалась большая территория соприкосновения стратегических и геополитических интересов Российской и Цинской империй – российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая. После подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г. (Сборник договоров, 1927: 84-88) пограничное размежевание между двумя сторонами на некоторое время завершилось, что способствовало проникновению в Китай российского торгового капитала (Международные, 1973: 143).

В начале 90-х годов XIX в. Россия активизирует международную политику на Дальнем Востоке, переместив ее магистральное направление с пограничных вопросов и развития торговых отношений в сторону экономической и политической экспансии в Цинском государстве, а также на получение прав экстерриториальности и различных концессий. Это был путь, которым ранее в Поднебесную начали проникать другие великие державы – Великобритания, США и Япония. Кроме того, в начале активизации своей внешней политики на Дальнем Востоке Россия не отрицала возможность военного столкновения с любой из этих стран, прежде всего с Японией (Романов, 1928: 72-74).

К этому времени царское правительство перешло к активной международной политике на Дальнем Востоке, пытаясь найти пути решения проблем, возникших на подконтрольных империи дальневосточных территориях. В свою очередь, китайское правительство также изменило политику в отношении России. Пытаясь восстановиться после поражения в Опиумных войнах и стремясь ограничить влияние Запада, Китай меняет внешнеполитический курс на более прагматичный (Старовойтова, 2012: 10).

В начале колониальной экспансии Санкт-Петербурга на Дальнем Востоке он столкнулся с комплексом геополитических, экономических и политических проблем, которые оценивались государственными деятелями, военными, журналистами, публицистами и учеными в категориях “желтый вопрос”, “желтая проблема”, “желтый труд”, “желтая опасность” (Дятлов, 2016: 161). Именно в таких терминах оценивалось соседство с Китаем. Вопрос “желтизны” рассматривался как одно из главных препятствий для территориальной экспансии в Цинской империи и захвата Маньчжурии. И хотя были рассуждения о том, что Российское государство инкорпорировало много разных народов и сделало их в конце концов российскими, однако это мнение не доминировало (Дятлов, 2016: 163).

Основателем теории “Желтороссии” был российский исследователь Сибири И. Левитов, который в конце XIX в. предложил “разомкнуть” для Китая территорию России между Байкалом и Тихим океаном, построить там российскую колонию и добиться того, чтобы “русский элемент смешался с желтой расой” (Левитов, 1905: 109). В этой аннексированной территории он видел аналог “русской Индии”, что позволит российским предпринимателям вытеснить японских и “установить контроль над “желтым Босфором” – Формозой” (историческое название острова Тайвань) (Желтороссия, 2016).

В 90-х годах XIX в. как “Желтороссию” архитекторы международной политики России воспринимали Маньчжурию, которую предусматривалось захватить (аннексировать). Идея “Желтороссии” взбудоражила умы ведущих российских государственных и военных деятелей в 90-х годах XIX в. Ее рассматривали как *Drang nach Osten* (“натиск на Восток”) и рассчитывали, что “Желтороссия” станет адекватным ответом на “желтую экспансию” (Желтороссия, 2016).

В подтверждение того, что Санкт-Петербург вынашивал захватнические планы в отношении империи Цинь можно привести фрагмент из воспоминаний российского министра финансов С. Витте, который отмечал: “Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно

потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами” (Витте, 1994: 42).

Именно в это время главным объектом российских притязаний стала Маньчжурия, которая непосредственно граничила с Россией. Естественно, что активизация других великих держав в Поднебесной вызвала серьезные опасения со стороны российского правительства, поскольку дальневосточные территории были слабо связаны с центральной частью империи, экономически почти не развиты и уязвимы с военной точки зрения. Одним из способов укрепления международного положения Санкт-Петербурга на Дальнем Востоке было начало в 1891 г. строительства Транссибирской магистрали, которая должна была пройти от Челябинска до Владивостока. Строительство железной дороги преследовало экономические и военно-стратегические цели. В ее строительстве были заинтересованы ведущие слои российского общества, стремившиеся к экспансии на Востоке (Международные отношения, 1973: 162)

Железная дорога, которая должна была связать Санкт-Петербург с Владивостоком, неизбежно становилась важнейшим фактором международных отношений на Дальнем Востоке, меняя баланс сил в регионе и вызывая смешанные чувства у других великих держав. В Великобритании считали, что с помощью дороги Россия к 1899 г. достигла доминирующего военного положения в северном Китае и получила перспективу через несколько лет значительно расширить торговлю (Beresford, 1899: 54). В Японии же полагали, что будущая магистраль даст стимул экономическому развитию всего региона и видели в ней угрозу своим внешнеполитическим интересам. Так, будущий японский маршал А. Ямагата предсказывал, что эта магистраль поможет России отторгнуть Маньчжурию и укрепить свое влияние в Пекине (Hackett, 1971: 157).

В 1895 г. строительство дороги дошло до Читы, но вместо того, чтобы продолжить железнодорожную магистраль дальше вдоль Амура и Уссури, в 1897 г. было принято решение направить ее к Владивостоку через Маньчжурию, что значительно сокращало длину трассы, но делало неизбежным конфликт России с Китаем и Японией.

С. Витте активно лоббировал идею строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), предлагая присоединить Северную Маньчжурию к Российскому государству и, таким образом, начать реализацию колониального проекта “Желтороссия”.

Ситуация, сложившаяся в этот период на Дальнем Востоке, способствовала реализации проекта “Желтороссия”. В результате японско-китайской войны 1894-1895 гг., согласно Симоносекскому мирному договору от 17 апреля 1895 г., Китай должен был отдать Японии Тайвань, Ляодунский полуостров, Пескадорские острова, военную контрибуцию и т.д. (Сборник договоров, 1906: 1-12; Сборник договоров, 1927: 94-98).

Однако вскоре представители России, Франции и Германии в Токио предъявили Японии ультиматум с требованием отказаться от Ляодунского полуострова, который она должна была получить по мирному договору (Международные, 1973: 176; Самойлов, 2013: 54). Это требование обосновывалось тем, что если Японская империя подчинит себе эти территории и будет стратегически господствовать над столичной провинцией Джили (то есть над китайской столицей Пекином), то это будет угрожать миру на Дальнем Востоке.

Свои требования Японии три европейских государства подкрепили демонстративными военными действиями (Победоносцев, 2010: 163). После этого из текста японско-китайского договора исключили статью об отказе Китая от Ляодунского полуострова в пользу Японского государства. Однако, в качестве компенсации за свою “уступчивость” Япония дополнительно получала от Китая вознаграждение 30 млн. лян (Сборник договоров, 1906: 89-92; Сборник договоров, 1927: 103-104).

Накануне японско-китайской войны 1894-1895 гг. премьер-министр Великобритании Дж. Кимберли в беседе с японским дипломатом 23 июня 1894 г. сказал, что война Японии с Китаем будет трагедией; она не поможет никому, а, наоборот, станет удачным предлогом для вмешательства России в конфликт двух стран (Anglo-American, 1984: 11-13). Вмешавшись в этот конфликт и поддержав Поднебесную, Россия расчистила себе путь для реализации проекта “Желтороссия”, одновременно ослабив позиции Японии в регионе и вступила с ней в конфронтацию.

Российский представитель в Пекине в 1891-1896 гг. граф А. Кассини в своих письмах в 1895 г. в Санкт-Петербург отмечал, что для ликвидации последствий войны Цинской империи нужна ссуда в 300-400 млн. лян и этим можно будет воспользоваться с целью получения уступок, в том числе концессии на железную дорогу в Маньчжурии. С. Витте внимательно следил за развитием событий на Дальнем Востоке, рассматривая японско-китайскую войну реакцией со стороны Японии на строительство Транссиба и считал, что если Россия выступит в роли спасительницы Китая, то последний пойдет ей на уступки, в частности в проведении железной дороги через Маньчжурию (Рыбаченок, 2012: 485-486; Эхтиари Чароймаги, 2014: 167).

На особом совещании 30 августа 1895 г. министр финансов Российской империи С. Витте настаивал на необходимости “перейти к активному образу действий теперь же”, требовать от Японии отказа от Южной Маньчжурии и в случае невыполнения этого требования “предписать нашей эскадре... начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты”. Он готов был даже уступить Японской империи все, что она потребует, но “только не Маньчжурию”. Исходя из мысли, что “предпринятая Японией война является последствием начатой нами постройки Сибирской железной дороги”, он делал вывод, что “выгоднее решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо большие жертвы” (Попов, Димант, 1932: 62-66).

Присутствовавшие на заседании военный и морской министры заявили, что в военном отношении Россия легко может справиться с Японией. Тем более интересным представляется тот факт, что на совещании полного единства мнений достигнуть не удалось, хотя формально точка зрения С. Витте победила (Попов, 1935: 41).

Министр иностранных дел А. Лобанов тогда же четко сформулировал царю, не присутствовавшему на совещании, проблему международной политики Российской империи на Дальнем Востоке, спрашивая, продолжать ли в Китае “пассивную” политику или перейти к “наступательным действиям” (Попов, 1935: 41). Император Николай II ответил на это известной резолюцией о незамерзающем порте, связанном с русской территорией “полосой земли” (Попов, 1935: 75-76).

На совещании 1 апреля 1895 г. ориентация Николая II на приобретение незамерзающего порта уступила проекту С. Витте в отношении Маньчжурии (Романов, 1928: 76-79). Внешнеполитическая ориентация на захват Маньчжурии была связана с постройкой Сибирской железной дороги, а также с вопросом о ее дальнейшем направлении. Именно в планах о будущем строительстве Китайско-Восточной железной дороги, которая должна была прорезать маньчжурскую территорию, коренилась основная идея проекта “Желтороссия”.

30 октября 1895 г. С. Витте докладывал императору Николаю II: “Такое положение вещей дает ныне... русскому правительству весьма благоприятные шансы, чтобы путем мирных переговоров добиться от Китая того, что при других условиях было бы трудно получить: напрямую проведение линии Сибирской железной дороги через Маньчжурию по направлению к Владивостоку. Но необходимо действовать настоятельно и решительно, а для сего прежде всего потребуются коренное изменение нашей дипломатии на Востоке” (Победоносцев, 2010: 164).

Российское правительство предоставило заем Китаю на условиях, которые были настолько благоприятными, как будто страна не потерпела сокрушительное военное поражение (Игнатъев, 1989: 44). Этот заем и создание военного союза двух государств ускорили российско-китайское сближение. Сразу после этого, по инициативе С. Витте, в конце 1895 г. был создан Русско-Китайский банк, основной капитал которого составлял 6 млн. рублей (5/8 этой суммы внесли французские банки, 3/8 – Санкт-Петербургский международный коммерческий банк) (Самойлов, 2013: 55). Устав банка предусматривал различные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор и хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и других концессий на всей территории Китая (Эхтиари Чароймаги, 2013: 94).

Это решение С. Витте привело к усилению международных позиций Российской империи в Китае, в результате чего, в конце 1895 г. ему удалось получить согласие Поднебесной на продолжение строительства Сибирской дороги через Маньчжурию до Владивостока. Получение Россией железнодорожной концессии должно было привести к превращению Северо-Восточного Китая в зону российского влияния и к значительному усилению позиций Санкт-Петербурга в Цинской империи. Следующим шагом С. Витте, по согласованию с императором Николаем II, было создание специального фонда для подкупа китайских сановников, чтобы добиться от Китая железнодорожной концессии в Маньчжурии (Эхтиари Чароймаги, 2013: 94).

Активные переговоры с китайскими сановниками и их подкуп привели к подписанию 22 мая 1896 г. в Москве секретного договора о союзе и строительстве Китайско-Восточной железной дороги, который был опубликован только в 1924 г. советскими историками (Романов, 1924: 77-126). В историографии преобладает мнение, что во время переговоров с высшим российским руководством фактическому главе внешней политики империи Цин Ли Хунчжану было предложено большую взятку, что стимулировало его пойти на серьезные уступки России (Международные, 1973: 181; Победоносцев, 2010: 166; Рыбаченок, 2012: 486; Эхтиари Чароймаги, 2013: 95). Российский историк А. Королев отмечал, что из обещанных 3 млн. рублей взятки Ли Хунчжан получил 1 млн. (Королев, 2002: 66-67), а британский исследователь Ф. Джозеф утверждает, что китайский сановник получил 2 млн. рублей взятки (Joseph, 1928: 161).

Согласно Московскому договору 1896 г. в случае нападения Японии на Китай, Корею или восточно-азиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна была прийти на помощь другой своими вооруженными силами.

Одновременно для облегчения подвоза войск при выполнении союзного договора Поднебесная разрешила России строительство железной дороги через Маньчжурию до Владивостока, выдав на это концессию Русско-Китайскому банку. Кроме того, С. Витте всячески добивался разрешения на строительство ответвления КВЖД на юг к Ляодуну. Однако, несмотря на огромную взятку, которую получил Ли Хунчжан, он так и не дал своего согласия на строительство этой ветви. Следует отметить, что КВЖД с ее огромным административным аппаратом, собственной военизированной охраной и прилегающим экстерриториальным поясом, уже вскоре стала государством в государстве, не считалась с порядками и правом, которые действовали в Китае (Победоносцев, 2010: 166).

Вспоминая об этих событиях, С. Витте писал в своих мемуарах: "...секретным договором с Китаем, который был составлен, мы получали право проведения железной дороги через Монголию и Маньчжурию до Владивостока. Таким образом, в наши руки передавалась дорога величайшего политического и коммерческого значения..." (Витте, 1994: 71).

Строительство КВЖД и колониальная экспансия Российской империи в Маньчжурии должны были содействовать реализации проекта "Желтороссия". Подтверждением этих захватнических планов является записка С. Витте от 12 апреля

1896 г. в которой он отмечал: “Эта дорога предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточить их в Маньчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке” (Попов, Димант, 1932: 92).

Московский договор 1896 г. был нужен Российской империи для того, чтобы получить на Дальнем Востоке “свободные руки” с целью дальнейшей территориальной экспансии и реализации проекта “Желтороссия”. Дополнительным фактором, который усиливал захватнические действия России в отношении Маньчжурии, были аналогичные намерения со стороны других ведущих стран, которые осознавали важность строительства железных дорог в Китае (Молодяков, 2006: 108).

После заключения этого договора финансовые и военные круги России начали активнее стремиться к усилению российского присутствия в Цинском государстве. Под давлением “ястребов” в правящих кругах, которых фактически возглавлял полковник, в дальнейшем – статс-секретарь А. Безобразов, император Николай II стал сторонником идеи захвата в этом районе незамерзающего порта с целью превращения Российской империи в сильную морскую державу на Тихом океане (Самойлов, 2013: 58).

В 1897 г. министр иностранных дел Российской империи М. Муравьев, сторонник усиления экспансионистской политики России на Дальнем Востоке, в своей записке царю аргументировал целесообразность аннексии порта на Ляодунском полуострове (Самойлов, 2013: 58). Главным объектом захватнических планов России в это время были Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний), владение которыми укрепило бы ее международные позиции и содействовало дальнейшей реализации колониального проекта “Желтороссия”.

Российский император, который в конце XIX в. все более склонялся к активизации колониальной политики в Китае, полностью поддержал эту идею. Не дождавшись завершения переговоров российского представителя в Пекине, он приказал захватить Порт-Артур, вследствие чего, 3 декабря 1897 г. одна часть российских военных кораблей встала на рейде Порт-Артура, другая – заняла Далянь.

15 марта 1898 г. Россия подписала с Китаем конвенцию о бесплатной аренде Ляодунского полуострова с Порт-Артуром на 25 лет (Сборник договоров, 1906: 331-337; Сборник договоров, 1927: 119-121). Такие экспансионистские действия Российской империи, казалось, наконец-то позволили ей получить на Дальнем Востоке незамерзающий порт (Эхтиари Чароймаги, 2013: 95). На арендованной территории была создана Квантунская область с особым управлением, а Порт-Артур стал главной военно-морской базой России на Тихом океане (Милежик, 2010).

Именно в это время в российских правящих кругах появляется план того, что этот “теплый порт” в будущем может сыграть для империи такую же роль в продвижении на Тихий океан, которую сыграл Санкт-Петербург в ее продвижении на Балтику, а затем – в Европу (Самойлов, 2013: 60). В результате этого в России начали активно разрабатываться проекты организации административного управления Порт-Артуром и Дальним. Последнему императорским указом были предоставлены права порто-франко (“свободного порта”) (Самойлов, 2008: 146).

Подписание российско-китайской конвенции от 15 марта 1898 г. вызвало недовольство Японии, внутри которой все активнее стали раздаваться призывы к войне с “коварным Северным соседом”. С целью снятия напряжения в японско-российских международных отношениях, разделения сфер влияния на Дальнем Востоке и дальнейшей успешной реализации проекта “Желтороссия”, Санкт-Петербург 25 апреля

1898 г. заключил с Токио новое соглашение по Корее (Сборник договоров, 1906: 346-348; Сборник договоров, 1927: 130), согласно которому из Сеула отзывались российские финансовые и военные советники, а японский капитал получал возможность широкой промышленной и торговой экспансии в этом регионе. Этот документ также признавал нейтралитет и независимость корейского государства.

В 1898 г. в Китае началось восстание ихэтуаней (известное в историографии как “боксерское”), которое имело ярко выраженную антиколониальную направленность. Восставшие выступали против всего иностранного, разрушали железные дороги и телеграфные линии, убивали иностранцев и китайских христиан. Российская империя, а также западные государства, стремились воспользоваться подавлением “боксерского” восстания с целью укрепления своих позиций в Китае. Поводом для непосредственного вмешательства России в события, происходившие в Цинской империи были инциденты на российско-китайской границе, спровоцированные участниками освободительного движения, а также блокада ихэтуанями и правительственными войсками посольского квартала в Пекине (Самойлов, 2013: 61).

После восстания “боксеров” в 1900 г. у С. Витте был разговор на эту тему с военным министром А. Куропаткиным, который, “с сияющим видом” говорил: “Я с своей стороны этим результатом чрезвычайно доволен, потому что это нам даст повод захватить Манчжурию... Из Манчжурии надо сделать нечто вроде Бухары” (Попов, 1935: 50).

В июле 1900 г. участились нападения на Китайско-Восточную железную дорогу, которые осуществлялись восставшими и китайскими регулярными войсками. Это сопровождалось разрушениями железнодорожного пути и поселений строителей. В следствии чего, в августе-сентябре 1900 г. российские войска в количестве около 150 тыс. человек оккупировали Восточную Маньчжурию и жестко подавили восстание в этом регионе (Победоносцев, 2010: 170).

В начале сентября 1900 г. Санкт-Петербург получил просьбу Мукденского дзянь-дзюня (губернатора) о приостановке наступления российских войск. В составленном проекте ответной телеграммы российское внешнеполитическое ведомство предписывало разъяснить своим представителям дзянь-дзюню, что “ни о каких враждебных действиях России не может быть и речи”. Цитируемые слова были собственноручно зачеркнуты императором Николаем II, который сделал приписку: “Мы не можем остановиться на полпути. Манчжурия должна быть пройдена нашими войсками с севера на юг” (Попов, 1935: 50-51).

К концу сентября 1900 г. желание царя, а также большинства российских правящих кругов исполнилось и Манчжурия была полностью оккупирована войсками Российской империи, которая также приняла участие в интервенции восьми государств против Поднебесной. Главнокомандующий союзных войск немецкий фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее еще не успел прибыть в Китай, а объединенный экспедиционный корпус под командованием российского генерала Н. Линевича 14 августа 1900 г. вошел в столицу Цинского государства (Самойлов, 2013: 61).

В результате этого 9 ноября 1900 г. Россия подписала соглашение с Мукденским губернатором, согласно которому ее войска приступили к непосредственной охране КВЖД. Кроме того, согласно этому документу китайским войскам запрещалось находиться в Маньчжурии до окончания строительства железной дороги. Однако и этого было мало Санкт-Петербургу для реализации своей захватнической политики в отношении Китая, поскольку он начал давить на китайское правительство, настаивая на заключении сепаратного договора по Маньчжурии (Победоносцев, 2010: 170).

Оккупация Российской империей Маньчжурии и реализация на ее территории проекта “Желтороссия” не устраивали другие ведущие государства того времени. В

феврале 1901 г. в Пекине состоялся совместный протест Японии, Великобритании и США против договора, который усиливал российское влияние в Маньчжурии (Победоносцев, 2010: 171).

В следствии этого, Россия фактически стала заложницей своего колониального проекта “Желтороссия” и в начале XX в. оказалась на Дальнем Востоке один на один в противостоянии с Японией и другими бывшими союзниками. Кроме того, китайские правящие круги и общество негативно воспринимали строительство КВЖД, чему способствовало боксерское восстание и его жестокое подавление российскими войсками.

Было также очевидно, что Япония стремится сделать Корею своим протекторатом и вернуть себе Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Именно поэтому Россия не могла вывести свои войска из Маньчжурии, чего от нее требовали Китай, Япония, Великобритания и США. Санкт-Петербург начал терять свое влияние на Дальнем Востоке и все более вероятной становилась русско-японская война.

7 сентября 1901 г. восемь государств, включая Россию, подписали с Цинской империей Заключительный протокол (Сборник договоров, 1906: 459-536), который окончательно закрепил полуколониальный статус Китая.

В это же время в Санкт-Петербурге начались российско-китайские переговоры по выводу войск России из Маньчжурии. Однако методы колониальной экспансии Российской империи в Поднебесной по-разному трактовались царем, министрами и ближайшим окружением Николая II. Наиболее осторожную позицию занимал министр иностранных дел в 1900-1906 гг. В. Ламздорф, который считал, что реализация колониального проекта России в Маньчжурии грозит войной на Дальнем Востоке (Молодяков, 2006: 154).

Позиция Николая II определялась стихийным желанием двигаться на восток, чтобы доминировать на Тихом океане (Рыбаченок, 1992: 310). В этой связи интересно мнение современника тех событий В. Обнинского, отмечавшего, что у императора остался “горький осадок и раздражение против Японии после покушения на него в Отсу религиозного фанатика, а полученная рана сказалась впоследствии на психическом здоровье императора” (Обнинский, 1992: 18-19).

В подтверждение агрессивной международной политики Российской империи на Дальнем Востоке необходимо привести фрагмент из мемуаров военного министра А. Куропаткина, который в беседе с министром финансов С. Витте сказал: “У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры” (Куропаткин, 1923: 36).

Статс-секретарь А. Безобразов, объединивший вокруг себя “ястребов” во внешней политике, считал, что необходимо обойтись без “сложных и малоперспективных переговоров в Пекине”. Он был противником политики уступок, которая, по его мнению, в Азии всегда приносит только негативные результаты (Рыбаченок, 1992: 314).

Переговоры о выводе российских войск из Маньчжурии неоднократно прерывались, но известие о заключении англо-японского союза 30 января 1902 г. (Международные, 1973: 219) подтолкнуло обе стороны к компромиссу. Вследствие этого, 29 марта 1902 г. было подписано соглашение о Маньчжурии (Сборник договоров, 1906: 538-543; Сборник договоров, 1927: 154-156). Согласно этому документу Россия должна была вывести войска в три этапа в течение 18 месяцев.

Николай II был недоволен этой сделкой, а в его окружении усилились позиции сторонников жесткой линии. 24 сентября 1902 г. в Порт-Артур прибыл А. Безобразов, который высказался за усиление российского присутствия в Китае. Заручившись поддержкой министра внутренних дел В. Плеве и других чиновников, несмотря на противодействие сторонников выполнения этого договора (С. Витте, А. Куропаткин, В. Ламздорф), он добился прекращения вывода российских войск из Маньчжурии. Другим важным решением, принятым по инициативе А. Безобразова позже, было создание на Дальнем Востоке российского наместничества, наделенного широкими полномочиями (Самойлов, 2013: 63).

В апреле 1903 г. Поднебесной было сообщено о том, что российские войска будут окончательно выведены из Маньчжурии только при условии выполнения определенных гарантий, наиболее важными из которых были требования не отчуждать в пользу других государств возвращённых территорий и предоставить преимущественные права российским предпринимателям в Северном Китае. Руководство Цинской империи негативно отнеслось к этим условиям, считая, что российская сторона желает сорвать выполнение соглашения 1902 г. (Милежик, 2013).

Ответ российского посла в Пекине П. Лессара главе внешнеполитического ведомства Китая князю Цину на его требования о выполнении соглашения 1902 г. является яркой иллюстрацией захватнической сущности международной политики Российской империи в контексте реализации колониального проекта “Желтороссия”: “Мы завоевали Маньчжурию и настолько сильны, что можем её сохранить. Ни Китай, ни иностранцы не в состоянии нам в этом помешать... Государь Николай II пожелал и теперь ещё желает возвратить Китаю завоёванные провинции... это проявление милости. Россия вправе была ждать, что правительство богдохана это оценит и, со своей стороны, докажет готовность, в согласии с нами, работать для развития благосостояния края на пользу обоих государств...”. Император Николай II, ознакомившись с текстом этой телеграммы написал: “Вот это настоящий ответ достойный представителя России...” (Милежик, 2013).

2 мая 1903 г. Главный начальник Квантунской области адмирал Е. Алексеев, который был сторонником активной российской экспансии в Цинском государстве, получил телеграмму Николая II, в которой говорилось: “Имея в виду сосредоточить в Вашем лице, под моим непосредственным руководством, высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по всем ведомствам, поручаю Вам подготовиться к этой деятельности...” (Милежик, 2013).

Этим решением российский император фактически вывел дальневосточное направление международной политики России из-под контроля Министерства иностранных дел и поручил его военным, поскольку Е. Алексееву было также передано командование армией и флотом. Во внешнеполитическом контексте этот документ свидетельствовал о намерениях Российской империи закрепиться в Маньчжурии всерьёз и надолго.

30 июля 1903 г. император Николай II подписал указ о создании Особого Его Императорского Величества наместничества Дальнего Востока (Милежик, 2013). Вследствие этих внешнеполитических решений Е. Алексеев становился непосредственным исполнителем всех замыслов Николая II в дальневосточном направлении, в том числе и в реализации экспансионистских планов России. Однако колониальный проект “Желтороссия”, целью которого было укрепление позиций Российской империи в Китае, захват Маньчжурии, а позже Монголии и Кореи, так и не был реализован в полном объеме.

В июле 1903 г. Япония предложила России начать переговоры по разграничению сфер интересов в Маньчжурии и Корее. Накануне совещания российских чиновников в

этом вопросе японский представитель С. Курино передал В. Ламздорфу проект соглашения, который предусматривал отказ Санкт-Петербурга от господствующего положения в Маньчжурии. Японский ультиматум заставил царя и его окружение пойти на уступки и на время отказаться от идеи присоединения Маньчжурии. Однако было уже поздно. 24 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, после чего началась русско-японская война 1904-1905 гг.

В результате поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. согласно условиям Портсмутского мирного договора, который был подписан 23 августа 1905 г., Санкт-Петербург был вынужден уступить Японии права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним ("Квантунскую область"), а также отдать южную ветку КВЖД – Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД) (Сборник договоров, 1952: 337-344). Единственным портом, который остался в распоряжении КВЖД, был Владивосток. Между тем строительство дороги было полностью закончено. Общие затраты на строительство в 1898-1905 гг. составили 366 млн. руб. золотом.

Внутриполитический кризис и международные последствия войны с Японией заставили российское руководство отказаться от амбициозных планов на Дальнем Востоке, а также дальнейшей реализации проекта "Желтороссия" и направить главный вектор внешней политики на Запад.

В результате этого зимой 1907 г. было подписано российско-японскую конвенцию, согласно которой обе стороны признавали независимость и целостность Китая, а также принцип "равных возможностей" в торговой и промышленной деятельности всех стран на его территории (Сборник договоров, 1927: 168-170). В секретной части этого соглашения речь шла о распределении Северо-Восточного Китая на российскую (северную) и японскую (южную) "сферы специальных интересов" и установления точной демаркационной линии между ними. Япония также признавала наличие у России "особых интересов" во Внешней Монголии (Самойлов, 2013: 65).

В октябре-ноябре 1909 г. начались переговоры между Россией и Японией по согласованию действий в Маньчжурии, которые закончились 4 июля 1910 г. подписанием соглашения (Сборник, 1927: 176-177). Это соглашение было согласованным ответом обоих государств на выдвинутый государственным секретарем США Ф. Ноксом план "коммерческой нейтрализации" железных дорог в Северо-Восточном Китае и строительства железнодорожной линии, альтернативной КВЖД. Вместе с договоренностью о поддержке статус-кво в Маньчжурии, Российская и Японская империи обязались согласовывать свои действия в случае возникновения угрозы их интересам в этом районе Китая. Фактически предполагалось совместное противостояние внешнеполитическим планам США на Дальнем Востоке (Самойлов, 2013: 66).

В июле 1912 г. после начала Синьхайской революции и провозглашения Китайской республики, продолжая внешнеполитическую линию соглашений 1907 и 1910 гг. в Санкт-Петербурге было подписано секретную российско-японскую конвенцию о разграничении Монголии на российскую и японскую сферы влияния (Сборник договоров, 1927: 180).

Эти события свидетельствовали о том, что Япония после русско-японской войны постепенно вытесняла Россию с ее позиций в Северо-Восточном Китае, активно реализуя в 20-30-х годах XX в. в этом регионе собственный колониальный проект и создав в 1932 г. на его территории марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое фактически было признано СССР в 1935 г. и получило от него во владение Китайско-Восточную железную дорогу.

Анализируя место и роль Китая в международных отношениях Российской империи в 90-х годах XIX – начале XX вв. в контексте реализации колониального проекта "Желтороссия" необходимо отметить, что методы и формы экспансионистской

политики России остаются неизменными на протяжении веков, независимо от того, в какой форме существует это государство (Российская империя – СССР – Российская Федерация), в отношении соседних с ним стран, хотя и имеет определенные особенности, однако позволяет нам выделить ее общие черты. Это вызывает особенный интерес в свете событий 2014-2017 гг. на Юге и Востоке Украины, связанных с реализацией Россией проекта “Новороссия”:

- 1) экономическая экспансия в страну, территорией которой предполагается завладеть;
- 2) идеологическое обоснование захватнических намерений (появление теорий “Желтороссии” в отношении Китая, а также “Новороссии” в отношении Украины);
- 3) подкуп местных чиновников с целью заключения выгодных для России международных соглашений и формирования в них пророссийской внешнеполитической ориентации;
- 4) негативное восприятие национально-освободительных (восстание “боксеров” в Китае) или революционных (Революции достоинства в Украине) движений;
- 5) военное вторжение в страну в момент ее внутреннего ослабления во время восстания (оккупация Северо-Восточного Китая – Маньчжурии) или революции (аннексия Крыма и оккупация части территорий Донецкой и Луганской областей Украины);
- 6) создание подконтрольных квазигосударственных образований на захваченных территориях.

Таким образом, Цинская империя в конце XIX – начале XX вв. была своеобразной “лабораторией”, где с учетом местной специфики и реалий отработывалась модель экспансионистского международного курса Российского государства, который в конце XX – начале XXI вв. трансформировался в “русский мир”, а также новые формы и методы неокOLONиальной гегемонии.

Литература:

- Витте, 1994 – Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 2. 1994. М., 575 с.
- Додонов, 2016 – Додонов Р.О. Жовторосія: з історії “закритих” імперських проєктів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://uisgda.com/ua/zhovtorosya-z_stor_zakritih_mperskih_proektv.html.
- Дятлов, 2016 – Дятлов В.И. “Желтый вопрос” на дореволюционном Дальнем Востоке: эпитет “желтый” в оценке миграционной ситуации // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. Науч. Тр. Омск. 2016. С. 160-166.
- Желтороссия, 2016 – Желтороссия: как Россия “замахнулась” на Маньчжурию и потеряла её [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian7.ru/post/zheltorossiya-kak-rossiya-zamakhnulas>.
- Игнатьев, 1989 – Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. 336 с.
- Кириченко, 2013 – Кириченко Е.Б. Николай II и российско-японские отношения в 1894-1904 гг. // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № XXI. С. 54-64.
- Королев, 2002 – Королев А.Е. Московский договор 1896 г.: тайные страницы русско-китайских отношений // Метаморфозы истории. 2002. № 2. С. 55-93.
- Куропаткин, 1923 – Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина. Нижний Новгород, 1923. 138 с.
- Левитов, 1905 – Левитов И. Желтороссия как буферная колония. (Доклад, читанный в общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли 16 мая 1905 г.). СПб., 1905. 120 с.
- Международные, 1973 – Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. [Отв. ред. Е.М. Жуков]. Кн. I. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. 329 с.
- Милежик, 2013 – Милежик А.В. Геополитические интересы России на Дальнем Востоке в начале XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.apircenter.org/archives/2375>.
- Молодяков, 2006 – Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят: Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945). М., 2006. 447 с.
- Обнинский, 1992 – Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. 288 с.
- Победоносцев, 2010 – Победоносцев Ю.П. Гибель империи. Тайные страницы большой геополитики (1830-1918 гг.). М., 2010. 415 с.
- Попов, 1935 – Попов А. Дальневосточная политика царизма в 1894-1901 годах // Историк-марксист. 1935. № 11 (051). С. 38-57.
- Попов, Димант, 1932 – Попов А.Л., Димант С.С. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888-1903 гг.) // Красный Архив. 1932. № 3 (52). С. 34-124.

- Романов, 1924 – Романов Б.А. “Лихунчангский фонд” (из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке) // *Борьба классов*. 1924. № 1-2. С. 77-126.
- Романов, 1928 – Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 608 с.
- Рыбаченок, 1992 – Рыбаченок И.С. Николай Романов и Ко. Путь к катастрофе // *Российская дипломатия в портретах*. М., 1992. С. 299-318.
- Рыбаченок, 2012 – Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв.: Цели, задачи и методы. М., 2012. 582 с.
- Самойлов, 2008 – Самойлов Н.А. Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 144-150.
- Самойлов, 2013 – Самойлов Н.А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений*. М., 2013. С. 15-118.
- Сборник договоров, 1906 – Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895-1905 г. СПб., 1906. 762 с.
- Сборник договоров, 1927 – Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). [Сост. Э.Д. Гримм]. М., 1927. 219 с.
- Сборник договоров, 1952 – Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. [Под ред. Е.А. Адамова]. М., 1952. 644 с.
- Старовойтова, 2012 – Старовойтова Е.О. 1881-1905 годы в истории российско-китайских отношений // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика*. 2012. № 2. С. 10-17.
- Эхтиари Чароймаги, 2013 – Эхтиари Чароймаги М.А. Русско-английское противостояние на Дальнем Востоке в конце XIX в. // *Вестник РУДН. Серия “История России”*. 2013. № 3. С. 91-97.
- Эхтиари Чароймаги, 2014 – Эхтиари Чароймаги М.А. Роль Маньчжурии в российской политике на Дальнем Востоке в конце XIX в. // *Власть*. 2014. № 10. С. 166-169.
- Anglo-American, 1984 – Anglo-American and Chinese Diplomatic Materials Relating to Korea (1887-1897). [Ed. by Park Il-Keun]. Pusan, 1984. 1388 p.
- Beresford, 1899 – Beresford L.C. The Break-up of China with an account of its Present Commerce, Currency, Waterways, Armies, Railways, Politics and Future Prospects. L.; N.-Y., 1899. 509 p.
- Hackett, 1971 – Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838-1922. Cambridge, 1971. 377 p.
- Joseph, 1928. – Joseph Ph. Foreign diplomacy in China, 1894-1900: a study in political and economic relations with China. L., 1928. 458 p.

References:

- Vitte, 1994 – Vitte S. Yu. Vospominaniya [Memories]: v 3 t. T. 2. 1994. M., 575 p. [in Russian].
- Dodonov, 2016 – Dodonov R.O. Zhovtorosija: z istorii “zakrytyh” impers’kyh proektiv [Zheltorossia from history of “closed” Empire projects]. – URL: https://uisgda.com/ua/zhovtorosya-z_stor_zakritih_imperskih_proektiv.html [in Ukraine].
- Dyatlov, 2016 – Dyatlov V.I. “Zheltiy vopros” na dorevolucionnom Dal’nem Vostoke: epitets “zheltiy” v otsenke migratsionnoi situatsii [“The Yellow Question” in the pre-revolutionary Far East: the epithet “yellow” in the assessment of the migration situation]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: Sb. Nauch. Tr. Omsk*. 2016, pp. 160-166 [in Russian].
- Zheltorossiya, 2016 – Zheltorossiya: kak Rossiya “zamaxnulas” na Manchzhuriyu i poteryala ee [Zheltorossia: how Russia “swung” to Manchuria and lost it]. – URL: <http://russian7.ru/post/zheltorossiya-kak-rossiya-zamaxnulas> [in Russian].
- Ignat’ev, 1989 – Ignat’ev A.B. S. Yu. Vitte – diplomat. [S.U. Witte is a diplomat]. M., 1989. 336 p. [in Russian].
- Kirichenko, 2013 – Kirichenko E.B. Nikolai II i rossiisko-yaponskie otnosheniya v 1894-1904 gg. [Nicholas II and Russian-Japanese relations in 1894-1904]. *Sums’kyj istoryko-arhivnyj zhurnal*. 2013. № XXI, pp. 54-64 [in Russian].
- Korolev, 2002 – Korolev A.E. Moskovskii dogovor 1896 g.: tainye stranitsy russko-kitaiskikh otnoshenii [Moscow Treaty of 1896: secret pages of Russian-Chinese relations]. *Metamorfozy istorii*. 2002. № 2, pp. 55-93 [in Russian].
- Kuropatkin, 1923 – Kuropatkin A.N. Dnevnik A.N. Kuropatkina. [The diary of A.N. Kuropatkin]. Nizhnii Novgorod, 1923. 138 p. [in Russian].
- Levitov, 1905 – Levitov I. Zheltorossiya kak bufernaya koloniya. (Doklad, chitannyi v obshchem sobranii Obshchestva dlya sodeistviya russkoi promyshlennosti i trgovli 16 maya 1905 g.). [Zheltorossia as a buffer colony. (A report was read in the general meeting of the Society to promote Russian industry and trade on May 16, 1905)]. SPb., 1905. 120 p. [in Russian].
- Mezhdunarodnye, 1973 – Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal’nem Vostoke. [International relations in the Far East]. V 2 kn. [Otv. red. E.M. Zhukov]. Kn. I. S kontsa XVI v. do 1917 g. M., 1973. 329 p. [in Russian].

- Milezhik, 2013 – Milezhik A.V. Geopoliticheskie interesy Rossii na Dal'nem Vostoke v nachale XX v. [Geopolitical interests of Russia in the Far East at the beginning of the 20th century]. – URL: <http://ru.apircenter.org/archives/2375> [in Russian].
- Molodyakov, 2006 – Molodyakov V.E. Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat: Zheleznodorozhnyi uzel rossiisko-yaponskikh otnoshenii (1891-1945). [Russia and Japan: the rails are buzzing: The railway junction of Russian-Japanese relations (1891-1945)]. M., 2006. 447 p. [in Russian].
- Obninskii, 1992 – Obninskii V.P. Poslednii samoderzhets. Ocherk zhizni i tsarstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II. [The last autocrat. Essay on the life and reign of Emperor Nicholas II of Russia]. M., 1992. 288 p. [in Russian].
- Pobedonostsev, 2010 – Pobedonostsev Yu.P. Gibel' imperii. Tainye stranitsy bol'shoi geopolitiki (1830-1918 gg.). [The death of the empire. Secret pages of great geopolitics (1830-1918)]. M., 2010. 415 p. [in Russian].
- Popov, 1935 – Popov A. Dal'nevostochnaya politika tsarizma v 1894-1901 godakh. [Far Eastern policy of tsarism in 1894-1901]. Istorik-marksist. 1935. № 11 (051), pp. 38-57 [in Russian].
- Popov, Dimant, 1932 – Popov A.L., Dimant S.S. Pervye shagi russkogo imperializma na Dal'nem Vostoke (1888-1903 gg.). [The First Steps of Russian Imperialism in the Far East (1888-1903)]. Krasnyi Arkhiv. 1932. № 3 (52), pp. 34-124 [in Russian].
- Romanov, 1924 – Romanov B.A. "Likhunchangskii fond" (iz istorii russkoi imperialisticheskoi politiki na Dal'nem Vostoke). ["The Lihunchang Foundation" (from the history of Russian imperialist policy in the Far East)]. Bor'ba klassov. 1924. № 1-2, pp. 77-126 [in Russian].
- Romanov, 1928 – Romanov B.A. Rossiya v Manchzhurii (1892-1906). Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma. [Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the history of the foreign policy of the autocracy in the era of imperialism]. L., 1928. 608 p. [in Russian].
- Rybachenok, 1992 – Rybachenok I.S. Nikolai Romanov i Ko. Put' k katastrofe. [Nikolay Romanov and Co. The path to disaster]. Rossiiskaya diplomatiya v portretakh. M., 1992, pp. 299-318 [in Russian].
- Rybachenok, 2012 – Rybachenok I.S. Zakat velikoi derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX-XX vv.: Tseli, zadachi i metody. [Sunset great state. Foreign policy of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: Goals, tasks and methods]. M., 2012. 582 p. [in Russian].
- Samoilov, 2008 – Samoilov N.A. Rossiiskie plany organizatsii upravleniya gorodom Dal'nii na rubezhe XIX i XX vv. [Russian plans to organize the administration of the city Dalny at the turn of the 19th and 20th centuries]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. 2008. Vyp. 4. Ch. 1, pp. 144-150 [in Russian].
- Samoilov, 2013 – Samoilov N.A. Ot balansa k kolonializmu. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya ot ikh zarozhdeniya do 1917 g. [From balance to colonialism. Russian-Chinese relations from their inception to 1917]. Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii. M., 2013, pp. 15-118 [in Russian].
- Sbornik dogovorov, 1906 – Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka 1895-1905 g. [Collection of treaties and diplomatic documents on the affairs of the Far East 1895-1905]. SPb., 1906. 762 p. [in Russian].
- Sbornik dogovorov, 1927 – Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke (1842-1925). [Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842-1925)]. [Sost. E.D. Grimm]. M., 1927. 219 p. [in Russian].
- Sbornik dogovorov, 1952 – Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856-1917. [Pod red. E.A. Adamova]. [Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917]. M., 1952. 644 p. [in Russian].
- Starovoitova, 2012 – Starovoitova E.O. 1881-1905 gody v istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii [1881-1905 in the history of Russian-Chinese relations]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika. 2012. № 2, pp. 10-17 [in Russian].
- Ekhtiari Charoimagi, 2013 – Ekhtiari Charoimagi M.A. Russko-angliiskoe protivostoyanie na Dal'nem Vostoke v kontse XIX v. [Russian-English confrontation in the Far East at the end of the XIX century]. Vestnik RUDN. Seriya "Istoriya Rossii". 2013. № 3, pp. 91-97 [in Russian].
- Ekhtiari Charoimagi, 2014 – Ekhtiari Charoimagi M.A. Rol' Man'chzhurii v rossiiskoi politike na Dal'nem Vostoke v kontse XIX v. [The role of Manchuria in Russian politics in the Far East at the end of the XIX century]. Vlast'. 2014. № 10, pp. 166-169 [in Russian].
- Anglo-American, 1984 – Anglo-American and Chinese Diplomatic Materials Relating to Korea (1887-1897). [Ed. by Park Il-Keun]. Pusan, 1984. 1388 p. [in English].
- Beresford, 1899 – Beresford L.C. The Break-up of China with an account of its Present Commerce, Currency, Waterways, Armies, Railways, Politics and Future Prospects. L.; N.-Y., 1899. 509 p. [in English].
- Hackett, 1971 – Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838-1922. Cambridge, 1971. 377 p. [in English].
- Joseph, 1928. – Joseph Ph. Foreign diplomacy in China, 1894-1900: a study in political and economic relations with China. L., 1928. 458 p. [in English].